

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ РЕЧИ

В статье дан анализ формирования научных представлений об энергетическом феномене речи с античных времен до наших дней. Констатируется, что фундаментальные положения исследований в данной сфере были заложены в период с середины XIX ст. до настоящего времени, т. е. с момента выделения психологии в отдельную науку и последующего формирования когнитивистики.

Ключевые слова: коммуникативно-суггестивное воздействия, психо-энергетические феномены коммуникации, энергетическая теория речи.

У статті представлений аналіз формування наукових уявлень про енергетичний феномен мовлення з античних часів до наших днів. Констатовано, що фундаментальні положення досліджень в даній сфері були закладені в період з середини XIX ст. до теперішнього часу, тобто з моменту виділення психології в окрему науку і подальшого формування когнітивістики.

Ключові слова: комунікативно-суггестивний вплив, психо-енергетичні феномени комунікації, енергетична теорія мовлення.

The paper presents the analysis of the formation of scientific concepts of the speech energetic phenomenon from Antiquity till the present era. It is stated that fundamental basis within this sphere have been created from the middle of 19th century till the modern time, i.e. the moment of psychology acquiring the status of a separate science and further formation of cognitivism.

Key words: communicative and suggestive effects, psycho-energetic phenomena of communication, speech energetic theory.

Похоже, что проблема поиска эффективных способов и приемов коммуникативно-суггестивного воздействия на слушателя далеко не нова. Истоки её осознания восходят к трудам ораторов и философов

древности. Так, ещё греческий философ и ритор Горгий из Леонтин (V—IV века до н. э.) понимал, что слово имеет силу действовать на состояние души, как состав лекарств действует на тело. Он заявлял, что подобно тому, как разные лекарства изгоняют разные соки из тела, причем одни пресекают болезнь, а другие — жизнь, так и речи — одни повергают слушателей в печаль, другие услаждают, третьи пугают, четвертые вселяют в них смелость, пятые же неким злым убеждением отравляют и обвораживают душу [1, с. 158]. Несомненно, что здесь идет речь о явлении, которое в современной науке названо суггестией и отнесено к сфере психо-энергетических феноменов коммуникации.

Аристотелю (384—322 г. до н. э.) принадлежат следующие высказывания. “О правильном действии, согласном с добродетелями, говорилось, но мало. Мы назвали так действие в согласии с правильным рассуждением (*katatonorthonlogon*). Но человек несведущий тут может спросить: а что значит согласие с правильным рассуждением, где это правильное рассуждение? Согласно правильному рассуждению поступают тогда, когда внеразумная (*alogon*) часть души не мешает энергиям ее разумной (*logistikon*) части; тогда наши действия согласны с правильным рассуждением. В душе у нас есть высшее и низшее, и низшее всегда существует ради высшего, подобно тому, как в отношениях души с телом, тело существует ради души, и мы говорим, что тело в хорошем состоянии (*ekheinkalos*), когда оно способно не только не мешать, но даже содействовать и помогать душе делать ее дело (ведь низшее существует ради высшего, чтобы содействовать высшему)” [2, с. 360].

Продолжая мысль, Аристотель подчеркивает, что “чувственное восприятие сходно с простым высказыванием и мышлением. Когда же оно доставляет удовольствие или неудовольствие, [душа], словно утверждая или отрицая, начинает к чему-то стремиться или чего-то избегать. И это испытание удовольствия или неудовольствия есть деятельность средоточия чувств (*aisthethikemesotes*), направленная на благо или зло как таковые. Избегание и стремление в действии также суть эта деятельность, при этом способность стремления и способность избегания не разнятся ни друг от друга, ни от способности ощущения, но бытие их различно” [3, с. 438]. Как видим, он четко предвидит те стороны, которые сегодня мы рассматриваем в психике человека, и указывает на различие природы их бытия.

Пытаясь гипотезировать природу, а точнее механизм влияния явлений окружающей действительности на индивида, Аристотель оставляет нам рассуждения следующего содержания. “Распознать природу живого существа на основании чего-то внешнего возможно, если признают, что естественные воздействия в одно и то же время изменяют тело и душу. В самом деле, изучающий музыку изменяет, может быть, в некотором отношении свою душу, но это воздействие не принадлежит к естественным для нас; к естественным движениям относятся такие, как гнев и чувственные вожеления. Так вот, если признать это, а также то, что такое-то свойство имеет такой-то [соответствующий] знак, и если можем принять, что каждому роду [живых существ] присуще особое свойство и [соответствующий] знак, то мы в состоянии распознавать природу [этих существ]. А именно, если какому-либо роду, [рассматриваемому как] неделимый, присуще отличительное свойство, как, например, львам — смелость, то необходимо, чтобы был и какой-то знак его. Ибо предполагают, что [тело и душа] испытывают вместе” [4, с. 253]. Здесь явно просматривается понимание им неразрывного единства взаимодействия в психике человека результатов функционирования перцепции, эмоций и тех абстрактных образований памяти, которые мы назовем далее концептами в их широком значении.

Ценивший превыше всего в своей профессии энергетику слова, Авиценна (X–XI века) также заявлял, что у врача есть три оружия: слово, растение и нож [1, с. 554].

В XIV в. итальянский мыслитель и поэт Франческо Петрарка писал, что он часто убеждался в способности простого слова приводить в движение души, скрыто проявляя свою силу [5, с. 58]. Это говорит о том, что многие мыслители обращали внимание на врожденную способность коммуникантов насыщать слово определенным энергетическим потенциалом, с одной стороны, и воспринимать этот потенциал — с другой.

Заглядывая в историю с позиций существующего знания, можно вполне заключить, что первый практический революционный шаг в выработке научных представлений об энергетическом феномене речи был сделан еще до начала нашей эры Аристотелем, поскольку он в общих чертах оконтурил будущие проблемы, ощутил необходимость различения эмоционального и логического в психической де-

ятельности индивида и предвосхитил наличие основных элементов в механизмах его речемышления и мыследействия. Следующий шаг с очевидностью должна была сделать психология, и трудами самого Аристотеля, Пифагора, Платона, Декарта к XVII веку [6, с. 549] она его сделала.

Для предпринятого нами весьма краткого, схематического изложения было бы, по всей видимости, логично обратиться и к мыслям В. фон Гумбольдта (1767–1835), в известной дихотомии которого *ergon* — *energeia* последнее обозначает языковой процесс (греч. *energeia* — действие, деятельность), в отличие от языка как оконченого, свершенного дела. Похоже, что исторически этим и была проложена дорога терминам *энергия* и *энергеия* в лингвистическую научную литературу.

Важнейший вклад в решение рассматриваемой проблемы был внесен Г. Гельмгольцем (1821–1894), перекинувшим своего рода междисциплинарный мостик между психологией и физиологией. Этим мостиком послужили системы методов и понятий физиологии, перенесенные в психологию на основе идеи о детерминированном влиянии факторов внешнего мира на психические явления. Считая внешние явления неким механическим толчком, приводящим в движение организм как замкнутую систему, Г. Гельмгольц рассматривал ощущение как проявление скрытой в соответствующем органе чувств “специфической энергии” [7, с. 101–102].

Глубоко осознавая единство физиологических, перцептивных и мыслительных актов, протекающих в различных структурах и уровнях организма человека, он приходит к выводу о том, что “бессознательное умозаключение” осуществляется не “умом” в смысле какой-то особой сущности, а является следствием сочетания чувственных и двигательных процессов под влиянием внешних условий [7, с. 101–102].

Истории познания известны уникальные идеи Г. Гельмгольца (1821–1894) о термодинамическом равновесии организма человека с окружающей средой, сыгравшие свою роль в возникновении таких наук, как неравновесная термодинамика и синергетика. Не опасаясь больших погрешностей, можно сказать, что развитие его идей во многом предопределило развитие считающихся наиболее перспективными в лингвистике когнитивно-энергетической и когнитивно-

синергетической парадигм исследований процессов речемышления и мыследействия.

Размышляя над проблемой саморазвития концептуально-тезаурусной базы языка, А. Потебня (1837–1891) утверждал, что “в языке непременно должны одновременно существовать слова образные (с ясным представлением) и безобразные (с забытым представлением), первые могут становиться безобразными, расширяя свое значение, а вторые — образными, применяясь в новом направлении. Развитие языка совершается при посредстве затемнения представления и возникновения новых слов с ясным представлением. Если деятельность мысли энергична, то в языке должно заключаться большое количество слов свежих. Поэтому совершенно ошибочно мнение, что языки с течением времени становятся менее образными. Это было бы лишь в том случае возможно, когда бы новые слова не создавались” [8, с. 224].

Не менее значимым является и то, что Х. Гёффдинг (1843–1931) приравнивал по значению введение понятия бессознательного в психологии к понятию потенциальной физической энергии в физике [9, с. 132].

По нашим представлениям, гениальной конкретизацией порожденных Г. Гельмгольцем идей отмечена также работа И. А. Бодуэна де Куртене (1845–1929) “О психических основах языковых явлений” (1899), в которой он признает зависимость психических процессов от физиологического субстрата [10, с. 56], понимая взаимную зависимость физиологической структуры мозга и функционирующей в ней физической энергии, с одной стороны, с мышлением и языком, с другой [10, с. 57]. При этом И. А. Бодуэн де Куртене делает акцент на том, что имеет в виду не только сознательные, произвольные движения, поскольку сознание нельзя отождествлять с психическим движением, и сравнивает сознание с “огоньком, освещающим отдельные стадии этого движения...” [10, с. 66].

Проиллюстрируем здесь его видение энергетической специфики процесса коммуникации дословным цитированием следующих фрагментов из этой же его работы. “Общение и взаимное воздействие индивидов, объединенных посредством языка, основано на том, что говорящие индивиды вызывают у слушающих индивидов — посредством ощущений от физических стимулов — некоторые языко-

вые представления и их ассоциации. То, что при этом слышится и что вызывает ощущения — это еще не язык, это только знаки того, что дремлет в мозгу, наделенном языком. Процесс языкового общения заключается в освобождении потенциальной языковой энергии. Так, например, в данную минуту в моем мозгу, в моей “душе” приводятся психически в движение некоторые сгруппированные и упорядоченные ассоциации представлений, а эти осознанные ассоциации представлений воздействуют возбуждающе на мои нервы, руководя движениями соответствующих мускулов. Как результат физиологической работы мускулов возникают акустические явления — звуки, из которых в определенном порядке составляются задуманные мною слова и предложения. Ощущения, полученные от этих акустических рядов, вызывают в “душах” слушателей соответственно сложные фонетические представления, ассоциированные со свойственными им языковыми и внеязыковыми представлениями; осознание этих ассоциаций и есть понимание говорящего” [10, с. 60].

“Филогенетическое становление языка... мы должны представить себе прежде всего как результат рефлексов мозга, или “духа”, на раздражения внешнего мира... При превращении до-человека, еще не обладающего языком, в человека-носителя языка ощущения, вызываемые внешним миром, были так сильны, что действовали сначала как бы на все чувства и приводили в движение все органы чувств и все члены тела, способные двигаться. Это вызывало рассеивание жизненной энергии, энергии физиологической, во все стороны: часть этой энергии поглощало движение мускулов, часть ее уходила на зрительные ощущения, часть — на акустические. ...Постепенно происходило устранение работы других органов за счет усиления фонационно-акустической, или произносительно-слуховой стороны” [10, с. 60–61].

По сути, из цитируемой таким образом работы явно вытекает идея перераспределения психо-энергетического потенциала индивида в процессах формирования им речи, современное концептуальное оформление которой и нашло свое место в рамках разрабатываемой нами энергетической теории речи.

Интересно также, что, не отрицая идею В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюр (1857–1913) четко разделил понятия *langue*, *parole* и *langage* (язык, речь и речевую деятельность) и заменил термин *energeia* понятием *речевая деятельность*. Но это не помешало общенаучному поня-

тию *енергия* войти в лингвистику, поскольку возникла необходимость оценки энергетических характеристик текста и коммуникативных феноменов в целом [11, с. 58, 84, 96, 108, 227–228].

Несмотря на известную критику Л. С. Выготским [9, с. 59] ряда радикальных для того времени утверждений В. М. Бехтерева о механизмах энергетики речемышления и мышледействия, нам представляется весьма вероятным, что в будущих когнитивно-синергетических доктринах психофизиологической деятельности человека они все же займут свое достойное место. В подтверждение этого напомним о таких мыслях В. М. Бехтерева, в которых он на основе энергетического мировоззрения характеризует сознательные явления как специфически внутренние, сопровождающие сочетательные рефлексy [12, с. 433].

Оценивая таким образом основные результаты научной революции XVII века новой эпохи, можно с уверенностью заключить, что фундаментальные положения исследований энергетического феномена речи формировались в основе своей со середины XIX ст. до настоящего времени, поскольку именно в начале указанного периода психология выделилась в отдельную науку, а вскоре вслед за ней сформировалась и когнитивистика.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Таранов П. С. *Анатомия мудрости: 120 философов* : [в 2 т.] / Павел Сергеевич Таранов. — Симферополь : Реноме, 1997. — Т. 1. — 624 с.
2. Аристотель. *Сочинения* : [в 4 т.] / Аристотель ; [пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура]. — М. : Мысль, 1978–1983. — Т. 4 : Никомахова этика. Большая этика. Политика. Поэтика. — 1983. — 830 с.
3. Аристотель. *Сочинения* : [в 4 т.] / Аристотель ; [пер. с древнегреч. ; общ. ред. В. Ф. Асмус]. — М. : Мысль, 1976. — Т. 1 : Метафизика. О душе. — 550 с.
4. Аристотель. *Сочинения* : [в 4 т.] / Аристотель ; [пер. с древнегреч. ; общ. ред. З. Н. Микеладзе]. — М. : Мысль, 1976. — Т. 2. — 687 с.
5. Таранов П. С. *Анатомия мудрости: 120 философов* : [в 2 т.] / Павел Сергеевич Таранов. — Симферополь : Реноме, 1997. — Т. 2. — 623 с.
6. *Философский энциклопедический словарь* / [гл. ред. Л. Ф. Ильичев]. — М. : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
7. Леонтьев А. А. *Язык, речь, речевая деятельность* / Алексей Алексеевич Леонтьев. — М. : Просвещение, 1969. — 214 с.
8. Потебня А. А. *Полное собрание трудов : мысль и язык* / Александр Афанасьевич Потебня ; [подг. текста Ю. С. Рассказова, О. А. Сычева ; коммент. Ю. С. Рассказова]. — М. : Лабиринт, 1999. — 300 с.

9. Выготский Л. С. Психология искусства / Лев Семёнович Выготский ; [общ. ред. В. В. Иванова]. — [3-е изд.]. — М. : Искусство, 1986. — 573 с.
10. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию : [в 2 т.] / Иван Александрович Бодуэн де Куртене. — М. : Издательство академии наук СССР, 1963. — Т. 2. — 389 с.
11. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт ; [пер. с нем. ; общ. ред. Г. В. Рамишвили]. — М. : Прогресс, 2000. — 400 с.
12. Бехтерев В. М. Избранные произведения / Владимир Михайлович Бехтерев. — М. : Медгиз, 1954. — 527 с.